

81.635.1
СЗО
032392

Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР

Башкирский государственный университет имени 40-летия Октября

На правах рукописи

СЕМЕНОВА Галина Николаевна

РЕДУПЛИКАЦИЯ И ЕЕ ФУНКЦИИ
В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

10.02.02 — языки народов СССР
(чувашский язык)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

УФА — 1990

Работа выполнена на кафедре чувашского языкознания Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова

Научный руководитель — доктор филологических наук,
профессор **И. А. Андреев**

Официальные оппоненты — доктор филологических наук,
профессор **Г. Г. Сайбатталов**,
кандидат филологических наук,
доцент **М. И. Скворцов**

Ведущее учреждение — Чувашский государственный педагогический институт имени И. Я. Яковлева

Защита состоится „___“ _____ 1990 г. в _____ часов на заседании Специализированного совета К 063.13.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Башкирском государственном университете имени 40-летия Октября (450074, г. Уфа, ул. Фрунзе, 32).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября.

Автореферат разослан „___“ _____ 1990 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
доктор филологических наук, доцент

М. В. Зайнуллин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы. Выбор темы диссертации "Редупликация и ее функции в чувашском языке" обусловлен прежде всего слабой изученностью лексико-грамматических повторов в чувашском языке.

Повторы характерны для всех языков мира независимо от их строя или системы, что свидетельствует об универсальности существования редупликации с типологической точки зрения. Это обстоятельство раскрывает перед языковедами круг проблем типологического характера как единообразное описание языков, установление межязыковых корреляций, создание универсальных грамматик. В тюркских языках при наличии отдельных исследований по конкретным языкам проблема повторов, также и парных слов не получила еще сколько-нибудь полного научно-теоретического решения. Весьма интересен вопрос о месте повторов в историческом процессе развития языка, его влиянии на формирование грамматической системы, сама эволюция явления.

Таким образом, подобное исследование должно быть актуальным и с точки зрения чувашского /тюркского/ языкознания, и с общелингвистических позиций.

Главная цель работы — определить место редупликации в механизме изучаемого языка, выявить сущность и функции повторов в современном чувашском языке /преимущественно на материале художественной прозы/, проследить использование редупликации на всех уровнях языковой структуры.

В соответствии с этой целью в диссертации ставятся следующие задачи:

I. Произвести инвентаризацию, классификацию и научное описание повторов во всех их структурно-семантических разновидностях. Проследить /кратко/ эволюцию данного явления в историческом про-

0323825p
Чувашский
Республиканский
БИБЛИОТЕКА
им. М. Горького

пессе развития языка.

2. Установить критерии выделения повторных образований из общего пласта парных и сложных слов. Определить лингвистический статус редупликативов.

3. Показать взаимодействие повтора с другими грамматическими средствами языка: аффиксами, служебными словами, интонацией, порядком слов и т.п. Определить место повтора в системе этих грамматических средств.

4. Разработать четкую классификацию, охватывающую разнообразие типов повторов.

5. Сделать попытку уточнения некоторых теоретических положений /например, в теории видов глагола чувашского языка/.

Новизна исследования заключается в том, что анализу подвергнута недостаточно изученное явление чувашского языка. В данной работе явление редупликации трактуется широко: как способ формообразования, как способ словообразования, в качестве материала для изучения морфологии, морфологии, синтаксиса, стилистики. Впервые в чувашском языковедении повтору отводится постоянное место в системе грамматических средств языка. Повторы представлены как оригинальная форма выражения различных лексико-грамматических значений, и тем самым создана возможность включения этой категории слов в парадигму грамматических средств на уровне общей теоретической грамматики. Исследование повторов глагольных форм позволило сделать вывод о том, что наряду с аффиксами и сложновербальными глаголами таковые являются активным и самостоятельным способом выражения аспектуальности /характера протекания действия/. В сфере глагольной аспектуальности в чувашское языковедение введено понятие таксисных отношений.

Научная достоверность работы определяется трактовкой языка

как важнейшего средства коммуникации с применением различных лингвистических методов анализа, среди которых важное место занимает метод непосредственного наблюдения и лингвистического описания, также методы компонентного, сравнительного и функционального анализа. Работа написана в синхронном плане с применением некоторых диахронических данных.

Материалом исследования, источником для подбора материала послужили произведения современной чувашской художественной и публицистической литературы, все существующие словари чувашского языка, отчасти материалы периодической печати и научной литературы. Используются материалы чувашского устного народного творчества, нашешные отраженные в многотомном собрании чувашского фольклора, изданном НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР /"Чувашское устное народное творчество" Т. I-VI/. Привлечены также диалектологические исследования и факты личных наблюдений автора над живой разговорной речью. В диссертации учтены многие специальные работы по тюркским и другим языкам, посвященные изучению парных и повторных слов.

Практическая значимость работы состоит в том, что в результате фронтальной проверки распространенности повторов собран материал, ранее не зарегистрированный в таком объеме в грамматических трудах по чувашскому языку. Результаты исследования могут быть использованы в грамматическом описании моделей формообразования, словообразования, для написания соответствующих разделов лексикологии, морфологии и синтаксиса чувашского языка, при составлении учебников и учебных пособий. Все это, в конечном счете, будет способствовать улучшению качества учебно-методической работы с учащимися школ и студентами вузов.

Думается, что подобные исследования имеют определенное тео-

ретическое и прикладное значение в лингвистической типологии и могут послужить материалом для проведения сравнительно-исторических, контрастно-типологических исследований тюркских и других языков.

Апробация основных и некоторых частных положений диссертации осуществлена в трех опубликованных статьях. Предварительные результаты исследования поклаливались на итоговых научных конференциях Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова /1983-1988 гг./, на заседании отдела языка НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров ЧАССР /октябрь 1987 г./.

Диссертация обсуждена на кафедре чувашского языковедения Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова /октябрь 1989 г./.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка основной использованной литературы, что составляет 160 страниц машинописи.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

В первой главе "Лингвистическая природа репликативных образований" прослеживается история изучения вопроса в лингвистике, излагается краткая история развития повторов, раскрывается понятие репликации и определяется ее лингвистический статус.

Различные аспекты репликации индоевропейских языков начали изучаться в конце XIX - в начале XX вв. такими исследователями индоевропеистики, как А.Потт, Г.Остроф, А.Уильямс, А.Мейе, Э.Экхард, Б.Вунт, Х.Херт, Э.Селлер.

В русском языковедении изучение лексико-грамматических значений повторов проводится в трудах А.Е.Киселева, Н.Д.Шварцовой.

В.В.Виноградова, в ряде исследований раскрывается стилистическая функция повтора.

В тюркологии повторы рассматриваются в трудах Н.К.Дмитриева, С.Н.Муратова, Н.А.Басакава, А.Н.Коновалова и других. Специальные исследования по данной проблеме проведены А.Т.Кайларовым, Р.А. Аганяном, Э.И.Убрятовой, М.И.Алиловым, Т.Б.Калабаевой, Э.Г.Галлямовым, Э.Н.Кочабергеновой, Р.Г.Закировой.

Некоторые характерные особенности повторов в чувашском языке изучались в работах И.А.Андреева, Н.А.Андреева, И.П.Давлора, С.Л.Горского, В.И.Сергееня, Н.И.Петрова, М.Р.Фенотова. Большой лингвистический интерес в плане изучения некоторых закономерностей повторных образований представляет мимологические наблюдения Н.И.Ашмарина, собранный и систематизированный им материал не только по тюркским, но и финно-угорским и другим языковым семьям. Определенный вклад в разработку рассматриваемых проблем внесли работы В.Г.Егорова.

Словарное повторение своими корнями уходит в глубокую древность. Оно встречается во всех известных науке естественных языках мира, в том числе и "мертвых". Наблюдения над повторами в различных языках, учет распространенности разных типов повторов, а также выяснение соотношения способа утеснения и других способов слово- и формообразования позволяют высказать следующие предположения о путях развития повторов.

Повторы исторически древнее парных слов, спаривание является дальнейшим развитием репликации. М.Я.Немировский говорит о необходимости изучения репликации в качестве конструктивно-семантического средства, начиная с первоначальных этапов речи... т.е. с эпохи, когда "кинетическая речь" уступила свое место звуковой речи, повторы жестов /движений/ уступала место звуко-

вым повторам". Наиболее старый вид повтора — это полный повтор /повтор одной и той же единицы языка/. Следующий этап — возникновение дивергентного повтора в результате приближения к лексической единице ее фонетической модификации. Как и всякий способ, применяемый языком, способ упрощения стремился расширить свои возможности для удовлетворения потребностей в выражении новых лексических и грамматических значений. Способ упрощения стал применяться вместе с теми или иными аффиксами, служебными словами, в результате чего появились аффиксированные /морфологизированные/, усложненные повторы.

В тюркологии по традиции редупликативные слова рассматривались не как особая группа образований, а как разовитность парных сочетаний. Объединение этих групп слов в одной теме объясняется в какой-то степени определенной общностью их функций в языке и одинаковости их графическим изображением /записанном через дефис/. Действительно, на фоне общей семантики как парных слов, так и повторов ярко выступает множество смысловых оттенков: выражение групповой или неопределенной множественности, многократности и повторности действия, интенсивности, раздельности и т.п. Однако в связях между компонентами парного слова и повтора имеется существенное отличие с точки зрения смыслового их соотношения. Установлено, что парное слово образуется из таких слов, значения которых находятся в одном понятийном поле. В пределах этого поля значения слов, составляющих парную основу, координируются, накапливаются между собой в определенных взаимоотношениях. Они могут быть синонимичными /уй-хий "поля и луга", нуша-асал "горе-несчастье"/, антонимичными /суту-илу "купля-продажа", килев-каян "посетители"/, ассоциативными /атл-цунмак "обувь", кра-куля "веселье", уга-улим "корм для

скота"/. В повторах же таких связей между компонентами быть не может, потому что в них варьируется одно и то же слово /полный, частичный, дивергентный повтор/ в виде различных фонетических и грамматических модификаций.

Таким образом, упрощенность двух базных по своей природе лексических единиц или парных слов и повторение одной и той же основы для редупликации является основным критерием разграничения первых от вторых. В схематическом изображении редупликации имеют структуру из одинаковых элементов А — А, а парные слова обладают еще элементами В или С, д. т.е. А — В, А — С, В — С, А — С и т.п.

Вторая глава посвящена изучению структурных особенностей повторов в современном чувашском языке.

В структурном отношении словоупоение является частным случаем словосложения, отличаясь лишь тем, что словоупоение состоит из двух одинаковых основ-составляющих, а словосложение — из двух различных. Формула словосложения $A^1 + A^2$ будет одновременно и формулой словоупоения в случае $A^1 = A^2 = A$. Структура же частично упоенного слова отличается от структуры полностью упоенного слова по существу: $a + A$.

С точки зрения структуры в чувашском языке встречаются следующие модели упоения слов: 1/ упоение в одинаковом звуковом составе /чистый повтор/; 2/ упоение в деформированном звуковом составе /частичный, дивергентный повтор/; 3/ упоение, происходящее лишь при наличии аффиксов или служебных слов /аффиксированный и усложненный повторы/.

Чистый повтор. Это самая многочисленная группа повторов образуется повторением одной и той же корневой или производной морфемы /основы/ без фонетических и морфологических изменений: ир-ир "по утрам", замрăк-замрăк "молодой-молодой", кам-кам "кто-

кто" и т.д. Чистые повторы образуют все знаменательные части речи, правда, в различной степени продуктивности. Особенно активны в образовании таких повторов имена прилагательные, глаголы, наречия, звуко- и образопоказательные слова.

Дивергентный повтор. Это повторы с фонетическими изменениями компонентов. Различаются следующие три разновидности данного типа повтора:

1/ Повторение с прибавлением /если слово начинается с гласного/ или заменой начального согласного /рифмованный повтор/: ас-лас "ум-разум", ашши-пашши "жар-пар в бане", армак-чармак "распотыренный, расковырченный", хёрслё-мёрслё "крестообразный", хайхи-майхи "наконец-то", тёрлэ-мёрлэ "разное", хёррак-марак "енсущенный" и т.п. Согласные, при помощи которых образуются рифмованные повторы, в тюркских языках не одинаковы и в количественном, и в качественном отношении, но наиболее употребительными являются м, п. Частота употребления этих согласных объясняется их "легкостью" в артикуляционно-акустическом отношении.

2/ Повторение с чередованием начального гласного в корне слова /деформированный повтор/: тьмар-тёмар "корни", шёр-шар "дум-гам", хушрак-хашрак "велоделки", карчак-кёрчэк "старушки", чалёр-чёлёр "кривой-косой", сётёрк-сатёрк "гнездовой, ветхий", кукёр-какёр "кривой, искривленный", кайттёр-кайтёр "вялый, невнятный", хайёл-хайёл "быстро, стремительно" и т.д.

Наблюдения показывают, что для чувашского языка стабильным является чередование гласных а - а, ё - е, а - ё, ё - а.

3/ Повторы, в которых изменениям подвергаются и начальные согласные /выпадение или их вставка/, и слогообразующие гласные: хёрсёр-марсёр "полати, валюги", хёррак-марак "сумняк, хворост", ашёр-ташёр "хлам, старье, отбросы", кукёр-макёр "вкось и вкрень" ашёр-

ашёр "беспорядок, хаос", урлёр-пирлёр "вразнос", ула-чёрла "пестрый" и т.д.

Среди дивергентных повторов всех разновидностей выделяются образования, в которых либо один из компонентов, либо оба по отдельности не имеют значения. Исследователи отмечают двойственный характер этих образований: с одной стороны, их можно отнести к категории парных слов, с другой - к категории повторов гомогенной основы, получившей в силу исторического развития разное фонетическое оформление. Они могут быть названы парно-повторными образованиями /ППО/. Анализ показывает, что лексический состав ППО чувашского языка по происхождению весьма разнообразен. В нем переплетаются элементы татарского, башкирского и других тюркских языков. Значительная часть затмевенных компонентов ППО попадает на поле заимствования из неродственных языков - персидского, арабского, марийского, русского /ача-пача "летворы", ашёр-мишёр "олух-туголум", укёр-пукёр "пеньзонки", мушёр-мушёр "легкие збачкомства", титёр-митёр "пенетки"/. Это результат прошлых и настоящих контактов этих народов и языков.

Частичный /усеченный/ повтор. Он образуется путем неполного повторения слова, обычно в объеме начального слога при помощи замыкающих согласных п, м, в: сшёрс "зеленый" - сшёр-сшёрс "зеленый-презеленый", сшёрс "холодный" - сшёр-сшёрс "совсемно холодный", ешёр "зеленый" "зеленый-презеленый", кшёрк "синий" - кшёр-кшёрк "синий-пресиний".

Усеченный повтор исторически представляет собой результат изменений корневого повтора, сущность которого состоит в повторении корня слова. Об этом свидетельствуют следующие примеры, которые как бы иллюстрируют переходный этап от корневого повтора к усеченному: шшёр "пустой" - шшёр-шшёр "совсемно пустой", че-

пер "красивый" — чип-чапер "красивый-прекрасный", тилё "сухой"
— тил-тилё "совершенно сухой".

Наблюдения показывают, что усечение полненьгача почти всегда прилагательные, состоящие из двух слогов. Повтор сложносложных и трехсложных слов встречается крайне редко: тап "ровный" — тал-тап "совершенно ровный", шай "точный" — шал-шай, шай-шай "точь-в-точь", шарвака "круглый" — шар-шарвака "совершенно круглый", таваткал "квадратный" — тал-таваткал "совершенно квадратный".

Аффиксированный повтор. Особенность данного типа повтора является то, что удвоенная основа здесь подвергается морфологическому изменению, т.е. к корневым и производным основам прибавляются различные аффиксы или другие грамматические форманты. Выбор того или иного аффикса зависит от конкретного типа конструкции. Л. Блумфилд отмечает, что при анализе сложившегося повтора необходимо различать соотношение этапов его образования /Язык, с. 239-240/. Возможны три случая: 1/ аффикс присоединяется к повтору, удвоенному образованию; 2/ удвоение подвергается образованию, содержащему аффикс; 3/ удвоение и аффиксация происходят одновременно. Но применительно к синхронному анализу языка с помощью сопоставления этих процессов во времени можно говорить лишь условно. Разнообразности аффиксированной редупликации выделены нами по формальному признаку:

1/ Повторы, у которых морфологически оформлен первый компонент: хушан хушан хушан, вихитран вихит "время от времени", таван таван "роной роной", перверен перре "один единственный", тап-шантан тапшан "как-то раз"; лекмаллепек лекремёр "попалось самым настоящим образом", хушамаллепек хушалчэ "совсем, окончательно сломался"; ёслевёсемён ёслес килет "хочется работать и работать"; сьехарвёсемён сьехарса пьрать "все приближается и приближается".

Эти повторы отличаются и по графическому виду — пишутся раздельно /а не через дефис/.

2/ Повторы, у которых морфологически оформлен второй компонент: вихит-вихитта "время от времени", уткйн-уткйнан "группами-группами", пер-перне "друг-другу", пер-перинне "друг с другом".

3/ Повторы, оба компонента которых оформлены одинаковыми аффиксами: хушан-хушан "изредка", ретён-ретён "рыбами"; невён-невён "горстями", пивён-пивён "тысячами", цусси-аусси кукурзузи "пелле поля кукурузы", пүлми-пүлми тырри-пулли "пелле закрома хлеба", кавти-кавти чёххи-чёппи "полевые дворы помашней птицы".

4/ Повторы, компоненты которых оформлены различными аффиксами: малтан мала "вперед и вперед", еячен еяне "из стороны в сторону", ламран лема, сыпакран сыпика "из поколения в поколение"; эрри-эррине "целыми неделями", вулисё-вулисёне "целыми волостями", лавё-лавёне "возами", миллионё-миллионёне "миллионами", сиевё-сиевен "выпоролозь", сиевёни-сиевёни "чуть заметно", сунтэвё-сунтэвман "засветло", вёфе-вёфён "встух", алла-аллан "попуво, пука об пуку", сума сунан "плечом к плечу".

Усложненный повтор. К этому типу повторов примыкает конструкция, между компонентами которых вставляются слова, выполняющие служебные функции: частицы, союзы, послелог. Например: суну хушан суну "письмо за письмом", сунма сине сунма "обращаю за обращением", някк сине сикк "за белой белой", цус сунне цус "копейка к копейке"; сунврать те сунврать "спит и спит", пер вёсёмсёр сун та сун "бесконечный поток ливней"; килнё-тёк килнё "пришел так пришел", телёк-тёк телёк "сон так сон", паян тесен паян "сегодня значит сегодня", вай тесен вай "сила есть сила".

Структурные разновидности повторов в диссертации рассматриваются по моделям, описываются характерные их особенности.

Анализ структурных особенностей повторов в современном чувашском языке дает возможность сделать вывод о том, что лексической базой для образования их разновидностей служат все части речи, как знаменательные, так и служебные.

Третья глава "Функциональная характеристика репликативных образований" посвящена исследованию функциональных особенностей повторных образований. Она ставит своей целью установление роли и места репликации в лексико-семантической системе современного чувашского языка. Описываемые языковые единицы рассматриваются на уровне словообразования, морфологии и синтаксиса. Основными задачами данной главы в соответствии с намеченной целью являются: I/ проанализировать слово- и формообразовательные возможности повторов в чувашском языке; установить особенности повторов на синтаксическом уровне.

В разделе "Словообразовательная функция повторов" анализируются повторы, выражающие словообразовательно-лексическое значение, т.е. образующие новые лексические единицы. Словообразовательное значение, которому уделяется все больше и больше внимания в лингвистической литературе, нередко определяется как семантическое отношение производного слова к производящему /см. работы Е.А.Земской, В.В.Донатина и др./ . При таком определении, однако, понятие словообразовательного значения отождествляется с понятием деривационных отношений. В работах последних лет определение словообразовательного значения было уточнено и расширено. В данной работе за основу принято следующее определение: "Словообразовательными называются обобщенные /типовые/ категориальные значения, имевшие специальное выражение, но не являющиеся обязательными". Словообразовательное значение присуще не только аффиксам, поэтому при определении словообразовательных

возможностей языка необходимо учитывать не только аффиксацию, а нужно исходить из всех типов словообразования, т.к. в языках различных генетических групп и морфологических типов могут вырабатываться разные словообразовательные свойства.

К именам существительным, образованным на основе звукоподражательного повтора, относятся названия птиц, обозначаемые по их крику: кукуку "кукушка", чакак "сорока", курак "грач", шпичик "соловей" /ср. каз. шпощик, узб. чумчук, азерб. булбуль/, чепчем "чих"; названия детских игр: тўтўв "жмурки", шакшак "бабки", чуччу "качели"; слона, детские по происхождению: тетте "игрушка", туту "машина", тутут "рожок", тўттў "молоко", пипи "боль", шитарт-шитарт /кямарчак/ "хрюши", мамме /мамма/ "хлеб", папак "младенец", кака "гусь", хам-хам "собака", чил-чил "курица" и т.д.

Данный тип повтора характерен всем языкам мира, что свидетельствует об универсальности его с типологической точки зрения.

Определенный процент имен существительных образован в результате дивергентного удвоения: калтэк-калтэк, калтэк-калтэк "неполотки, полотенца, изьяны, дефекты", парне-сарне "поларки и прочее", вётёр-шакёр "мелочь" и т.д.

В этих повторах носителем лексического значения является первый компонент, а второй выступает в роли деривационной морфемы. Единственной формой существования слова становится повторность основы в дивергентных повторах с обоими этимологически затемненными компонентами: йёрёх-ярёх "нечисть, нечистая сила", хёртсудт "помойка", асар-писер "существо, внушающее страх".

Имена прилагательные образуются на основе образ- звукопод-

ражательного повтора: *сйт-сйт* тумтиг "хосомо подогбавная одеж-ла", *чуп-чуп* уйхэ "меловый месяц", *тэл-тэл* келетке "ладная фигура", *кал-кал* "дружный, спорный" и т.д.

Как лексические единицы, подобные повторные слова а/ подвергаются морфологическим изменениям, склоняются, могут приобретать различные грамматические форманты: *Вихита шинил-шинилла* ирттер /Агивер/ "Мирно провести время"; *Вил хийен шаминэ вин-тинрах дуринтаракан тивашин* /Илп./ "Он хочет поставить свою семью на крепкие ноги"; *с/* могут выступать в качестве словообразующей основы: *Шамла, бирен ёфен урмилхэ, кал-калхэ* ларти райкомён пёрремён секретарёичен пумаи килет /Емел./ "Безусловно, четкость, налаженность работы во многом зависят от первого секретаря райкома"; *Ятлашма, шалтар-палтирланма пёлмест* /Маяксем/ "Ссориться, подусту шуметь она не любит"; *в/* в бесположенни выступают в роли различных членов.

Прилагательные образуются путем повторения числительного "пёр": *Пёр-пёр ёф тупса, видина кемелле* /Элк./ "Нало найти какую-то работу и устроиться"; *Хить пёртев пёр сиву кертеку, хить пёртев пёр шкору пунинчте* /Агивер/ "Если бы было хоть одно единственное твоё фото, хоть одно единственное твоё письмо". В последнем примере первый компонент повтора "пёртев пёр" оформлен аффиксом исходного падежа -ген.

Повтор некоторых служебных частей речи также может образовывать полнозначные лексические единицы. Например, послелог "сине" /он соответствует русскому предлогу "на"/ при употреблении приобретает наречное значение "то и дело, постоянно, часто, раз за разом": *сине-сине аса* ил "вспоминать постоянно", *сине-сине сисём сисре* "раз за разом сверкнула молния", *сине-сине сийла* "настойчиво угрожать", *Фамистсем сине-сине леме титинчс* "фашисты начали усиленно атаковать", *сине-сине нит* "настоятельно

просить".

Таким образом, повторы являются оригинальным способом словообразования и представляют собой не разовый, а регулярно действующий фактор пополнения словарного состава чувашского языка. Путем репликации образуются новые лексические единицы, относящиеся к следующим частям речи: существительные, прилагательные, наречия, междометия, попражательные слова.

В диссертации на большом языковом материале исследованы повторы, выражающие грамматические значения. Этому посвящен второй раздел третьей главы "Повтор как грамматическое средство современного чувашского языка".

Возможность полного совпадения лексического значения репликанта /исходного компонента повтора/ и повтора сводится к нулю, так как ни один язык не испытывает потребности в существовании абсолютных синонимов. При повторе происходит переход из одного состояния в другое, повтор обязательно приобретает дополнительное лексическое, грамматическое или стилистическое значение.

Повторы имен существительных выражают неопределенное, расчлененное или собирательное множество: *арча-арча парвелёх* "сулуками-сулуками прибраное", *чёрес-чёрес сарэ су* "чирясами-чирясами толленое масло", *алтар-алтар ёшэ шывё* "черпаками-черпаками теплая вилочка", *пёрчэ-пёрчэ тар* "капельками-капельками пот", *ййранё-ййравё купёста* "грякками-грякками капуста", *урамё-урамё хурвалх* "улицами-улицами безразия", *тёрки-тёрки тёве сям* "рулонами-рулонами верёвочки шерсть" и т.д. Значение множественности может быть передано некоторыми разновидностями усложненных повторов: а/ повторами с союзами *та/те* в интерпозиции /улма та улма "все яблоки на яблоки", пёр рёсёмёв сина та сина "бесконечный поток людей"/; б/ повторами с послелогом *сине*, *сумне* в интерпозиции: *поезд сине поезд "поезд за поездом", шухиш сине*

шухиш снйичё "идея к идее рождалась", йёкал сумне йёкал "желудь к желуду", пус сумне пус "копейка к копейке"; в/ повторами с послелогами хысён, вёсён в интерпозиции: инкек вёсён инкек "за белой беда", сиві хысён сиві, врі хысён врі янйрать "отшкк за стшкк, песня за песней звучат". В последних наряду со значением множественности подчеркивается периодическая совершаемость, последовательность явлений, возобновляющихся через определенный интервал.

Было установлено, что понятийные категории единичности и множественности на тождественны грамматической категории числа. Множественность, выражаемая посредством повтора, всегда имеет пополнительный оттенок дистрибутивности, разделительности, поэтому она не может быть отождествлена с понятием множественности, обозначаемым морфологически посредством аффикса -сем /в других тюркских языках -лар/.

Повторы, выражающие значение интенсивности /усиления/.

1. Усиление лексического значения основы слова посредством препозитивного повторения: пурйавар пурйиш "досл. жизнь, которой живут", тёлленё тёлёк "досл. сон, который снялся", ёмётлен-аё ёмёт "досл. мечта, о которой мечтали"; ёмёр ёмёрлес "век вековать", хёл хёлеме "зимовать зиму", йум йумлани "ворожить ворожбу". Широко употребительны повторы конструкции и в русском языке: волна волной, пугало пугалом, вопрос вопросов, святая святых, выдавший выдачи, всякая всячина, разные различия.

2. Усиление лексического значения при наращивании к первому компоненту повтора формантов исходного падежа - тан/-тен, -ран/-рен: паттаваран патта "царь царей", хушаран хуша "начальник из начальников", маттуртан маттур "молодец из молодцов", пур качча-ран та качча "из всех ларней ларень" /сравните в рус.: из слуг

слуга, из купцов купец, мошенник из мошенников/; тўрёрен тўрё "прямее прямого", чухантан чухан "белнее белого"; тахсантан тахсан "очень редко", хальтен халь "вот-вот" и т.д.

3. Усиление лексического значения при помощи усложненного повтора. Сочинительные конструкции со словами тени, тесен в интерпозиции выполняют функцию оговорительного выделения предмета: вйй тесен нйй "сила есть сила", чечек тесен чечек "цветок есть цветок", шкул тени шкулах "школа есть школа". Образования с связной частицей -тйк/-тёк в интерпозиции подчеркивают отнюдь исключительности предмета в ряду опознаваемых или значительности субъекта по своему общественному положению, должности и т.п. При этом выражается упреждение по пороку качества предмета: вйй ку сын-тйк сын! "Вот этот человек так человек!", герой-тйк герой "герой так герой", тёлёк-тёк тёлёк "сон так сон".

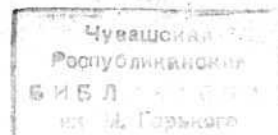
4. Выражение высокой степени интенсификации значения посредством полного повтора прилагательных: нрй-нрй сймахсем "подробне-подробне слова", йивёр-йивёр шухйшсем "тяжелне-тяжелне мысли", вётё-вётё кйтра хумсем "малкие-малкие купрявне волны".

5. Особая роль в образовании превосходной степени прилагательных принадлежит частичной редупликации /усеченным повторам/: Бёр сёвё шап-пурй кёпеле, саш-сугй тухьяпа, саш-сар сйпатала "В совершенно новом белом-пребелом платье, богатой-пребогатой тухье /старинный головной убор у чувашских женщин/, в желтых-прежелтых лаптях" /фольк./.

Полный повтор наречий служит для интенсификации общего значения: арав-арав ёлкёрсе пйрать "але-але успеваает", арав-арав тйтйнса тйр "держаться на честном слове", сасй каять нйфе-нйфе "голос уходит далеко-далеко".

Основным значением глагольных повторов является выражение

0323928p

характера протекания действия /аспектуальности/. Намы выявлены следующие наиболее активные модели повторов, выражающих характер протекания действия.

1. Значение продолжительности действия-прижания является основным значением глагольных повторов. Это могут быть: а/ личные формы глагола, выражающие все грамматические времена чувашского языка: пӑхӑть-пӑхӑть "смотрит-смотрит", кӗтрӗ-кӗтрӗ "жал-жал"; б/ условные причастия прошедшего времени: чӑтнӑ-чӑтнӑ "терпел-терпел", выртнӑ-выртнӑ "лежал-лежал".

2. Значение многократности /бrevкративности/ может быть выражено и личными, и безличными формами глагола: вӗҫме-вӗҫме хӑтланчӗ "не раз пыталась взлететь", шаккӗ-шаккӗ "постучат-постучат".

Семантические потенции глагольного действия эксплицируются также с помощью различных модификаторных средств. В качестве модификаторов могут выступать а/редупликативные наречия: куллен кун /кундан кун/ "изо дня в день", сӗр-сӗр сывӑрмасӑр кӗтнӗ "жал бессонными ночами", кас-кас сал вӗҫсе ярать "ветер дует порывами"; б/ образительные слова: йӑлт-йӑлт туса илчӗ "несколько раз сверкнуло", чӑре кӑрт-кӑрт тавра пуҫларӗ "биение сердца участилось", сурав вӑй-вӑй-вӑй тӑвать "рада постоянно поет", ҫӑл-куҫ пӑль-пӑль-пӑль тавса тӑвать "с бульканьем выбивается волчок".

В научном описании глагольного вида сравнительно недавно была выделена функционально-семантическая категория "таксиса". В рамках высказывания речь чаще всего идет не об одном отдельном действии /состоянии и т.д./, а о нескольких или многих, как-то между собой связанных хронологическими, причинно-следственными соотношениями. Эти связи отражаются в специфических связях, составляющих категорию таксиса. В рамках таксиса выделяются две сферы: зависимый и независимый таксис. Независимые таксисные от-

ношения представляются как относительно самостоятельные. Зависимый таксис определяется как временное отношение между действиями, из которых одно главное, а другое зависимое, сопутствующее. При этом в первую очередь имеется в виду хронологические соотношения: зависимый таксис выражает различные типы отношений к независимому таксису: одновременность, предшествование, следование. Главным или центральным компонентом зависимого таксиса являются конструкции с деепричастиями, а периферийными - с причастиями и другими глагольными формами.

1. Деепричастие на -а/-е/ характеризует выражаемое глаголом действие или состояние в его отношении к другому действию или состоянию, обозначенному последующим глаголом, как незаконченный, длительный, многократный или повторяющийся процесс. Наряду с названным своим преобладающим значением редуплицированная форма на -а/-е/ обозначает а/одновременность: Шеркей сӑхлана-сӑхлана ҫӑлелле хӑларчӗ /Илп./ "Шеркей с опаской /посл. опасаясь-опасаясь/ понимался"; Амӑше Унтре вӑрҫа-вӑрҫа ёҫлеттерет, васа-тӑть /Элк./ "Мать, часто дугая, заставляет Андрея работать и торопит"; б/ предшествование: Сава кӗте-кӗте втла та хая влтӑм "Прождал тебя долго, совсем опоздал"; Чӑн хӑмӑт пӑявне сӑна-сӑна вулӑ пӑрне вӗҫсе тӑм илчӗ /Фольк./ "Пытаясь починить гуз, отморозил десять пальцев".

2. Деепричастие на -са/-се/ в выражении таксисных значений в принципе схожа с редуплицированной формой деепричастия на -а/-е/. Оно выражает значение одновременности: Каччи-йӑкӑчӗ карталавса-карталавса вӑйӑ калакан хитре саслӑ чилер хӑрсене куҫ илми, втарайми сӑватчӗ /Агивед/ "Бывало, парни не спуская глаз наблюдают за красивыми звонкоголосными девушками в хороволе".

3. Деепричастия на -сав/-сев/ присущее значение предшествования действия-прижания: Хайхи ҫкӗтлесен-ҫкӗтлесен, Максӑм ҫкӗ-

те кѣчѣ-кѣчех /Алент./ "После настойчивых уговоров наконец-то Максим поддался им".

4. Редуцированные причастия прошедшего времени выражают быструю смену одного действия другим действием: Черногубов тѣнѣ-тѣманах ун патне Ягодкин цѣрса кѣчѣ /Пайр./ "Не успел Черногубов подняться - появился Ягодкин".

Таким образом, семантика тесных отношений /одновременность, предшествование, следование/ реализуется редуцированными причастными и безпричастными формами.

Повтор как синтаксическое средство связи

Функциональные особенности повтора на синтаксическом уровне могут быть рассмотрены в рамках и словосочетаний, и предложений, и текста. На всех трех перечисленных уровнях повтор прежде всего выступает как синтаксическое средство связи.

1. Связь компонентов в некоторых именных и глагольных сочетаниях происходит благодаря удвоению, повтору: тѣрки-тѣрки сав пурѣн "рулонами-рулонами золотистый шелк", йѣранѣ-йѣранѣ вѣт сухан "грякками-грякками мелкий дук", чарѣна-чарѣна вулатъ "читает с перерывами, посл. останавливаясь-останавливаясь читает", ѣсѣкле-ѣсѣкле йѣрет "плачет с всхлипываниями: посл., всхлипывая-всхлипывая плачет". Удвоенное употребление основ имен и глаголов становится единственной формой их повторного употребления, поскольку нег. возможны сочетания типа "тѣрки сав пурѣн", "йѣранѣ сухан", "чарѣна вулатъ", "ѣсѣкле йѣрет". В данных словосочетаниях повтор выступает и как средство связи компонентов, не утрачивая в то же время своих семантических оттенков.

2. Повторение одного и того же слова в предложении делает его если не центром, то во всяком случае важным составным элементом высказывания, настойчиво привлекая к нему внимание слушателя или читателя. На выделительно-усилительную функцию на-

слаивается и веретко приобретает в конкретных условиях употребления первостепенное значение экспрессивно-грамматическая, т.е. связующая функция. Части предложения, в которых появляется приставный повтор, оказываются связанными между собой. Г.Я.Солганик называет связь такого рода "цепной связью посредством лексического повтора"¹. Проиллюстрируем это на примере: Сынсасем валле апат хатѣрлемелли пѣлѣмре тѣватѣ хѣр врласа ѣслѣсѣ: пѣри машинѣла сѣрулми суса тасатать, тепри сѣрулмине машинѣла сѣрса нимѣрлет, ытисем сав нимѣре тѣрлѣ апатла пѣтратса хутѣштарацсѣ /Арт./ "Кто-то на машине картошку обмывает, другой на машине картошку размывает, остальные размоченный картофель обрабатывают, смешивая его с разного рода концентратами"; Сав вѣхѣтрах ун чѣриве хѣрхенѣ туйѣмѣ те - кирлѣ мар туйѣм, ѣша хѣй тѣллѣн кѣрсе ларнѣ туйѣм - чѣрмелерѣ /Тал./ "В то же время ему не давало покоя чувство жалости, совсем ненужное чувство, чувство, не подвластное ему".

3. В тексте цепная связь достигается контактными расположением предложений, в которых тема предыдущего предложения становится часто темой для последующего. Г.Я.Солганик иллюстрирует это следующим примером из русского языка: Оратор говорит долго, утомительно. Новотонное говорение усиливает слушателя.

Сложный узор повторяющихся в тексте слов связывает иногда в единое целое довольно большие отрезки текста. Чаще всего - это описание ситуации, на фоне которой совершаются события, картина этих событий, развертывающихся на глазах наблюдателя - автора или персонажа повествования. Этот прием особенно свойственен писателям, произведения которых отличаются большой эмоцио-

¹ Солганик Г.Я. Об одном типе связи между самостоятельными предложениями // Русск. яз. в шк. - 1965. - № 3, с.60.

нальной вышшенностью или картинностью, язык которых обладает способностью производить высокий стилистический эффект. Наглядным примером может служить и замечательный роман Народного писателя Чувашии Мигулая Ильбека "Хура факёр" /"Черный хлеб"/. Вот пример: Акí арчи. Унта элес-мелес мул. Тёнчере унран урэх. Шерккейден урэх, никам та пёлмен мул. Фав мул Шерккейён. В этом небольшом отрывке многократный повтор слова "мул" создает как бы внутренний монолог героя /Шеркея/, внешне же наконец-то желанный отцовский клан. Связующая функция повтора в данном случае переплетается с другими факультативными функциями: выразительной и характерологической. Ш.Балли считает, что одной из причин повторения является тот "наплыв чувств, который сопровождает речь", "импульс проявляется в том, что мысль повторяется соответствующее число раз, сколько импульсов, столько и повторений".

4. "Специальная" функция повтора весьма убедительно прослеживается в диалогической речи. Возьмем пример.

- Хурал-мён тарасси те хивёр синчех-и?
 - Салла, хамёр синчех.
 - Пушартан-мёнрен сыхланасси тата? Вёл та сирёнех-и?
 - Сирёнех, конешнэ, сирёнех... /Алент./
 - Сами стережете, сами присматриваете?
 - Да, сами.
 - А пожарная охрана? Тоже на вас?
 - Да, на мне, конечно, на мне.

Н.Ю.Шведова разграничивает отдельные виды реплик-повторов исходя из того, какие слова или группы слов из первой реплики входят в состав второй реплики. Исследователь рассматривает реплику-повтор как порождение первой реплики и показывает активную конструктивную роль разнообразных частей и морфальных слов. Как

показали наши наблюдения, в чувашском языке в роли этих единиц чаще всего выступают слова салла, ара, конешнэ, урать, паллах, чанах.

В отечественной тюркологии реплики-повторы были объектом изучения некоторых лингвистов /Амиров Р.С., Уринбаев Б., Халларова С., Сафиуллина Ф.С./ . В частности, Ф.С.Сафиуллина подчеркивает, что "коммуникативная и структурно-грамматическая природа диалога совершенно одинакова не только во всех изученных тюркских языках, но и в русском, английском и во многих других языках иных семей. ...То же самое можно сказать и о синтаксической самостоятельности повторов, о законах и схемах их построения, об участии в них специальных слов, играющих конструктивную роль, о своеобразии интонации и т.д."¹

Таким образом, наряду с аффиксами, послелогоми, союзами, порядком слов повторы выступают как синтаксическое средство связи в словосочетаниях, предложениях, тексте, диалоге.

В "Заключении" излагаются основные выводы исследования. Способ удвоения используется на всех уровнях языковой структуры. Удвоение охватывает все классы слов, как знаменательных, так и служебных.

Функционирование удвоения как языкового знака проходит на фоне синонимии, т.е. наличия других средств, передающих ту же идею, так и на фоне омонимии, т.е. наличия других идей, передаваемых тем же средством. При таком подходе удвоение вполне отвечает обычной в языке ситуации, которая объясняется "асимметрическим дуализмом языкового знака". Исследуя повторы в современном чувашском языке, мы пришли к выводу, что наряду с аффиксацией, сложениями, служебными словами и другими показателями повторы

¹ Сафиуллина Ф.С. Актуальные проблемы изучения синтаксиса татарской разговорной речи // Сов. тюркология. 1981. - № 4. - С.43.

используются как грамматический способ при передаче различных грамматических значений. Для предметных значений – как множественность, для значений качества – как степень качества, для процессов – как многократность, длительность и т.д.

Редупликация представляет регулярно действующий фактор пополнения словарного состава языка новыми лексическими единицами. В чувашском языке различаются следующие разновидности словообразовательной редупликации: звукоповторительный повтор, полный повтор, дивергентный повтор.

Редупликация – это не механическое повторение. Возникновение и функционирование разнообразных типов редупликации является результатом закономерного процесса развития языка.

По теме диссертации опубликованы следующие статьи:

1. Редупликация в освещении школьных и вузовских пособий по чувашскому языку // Совершенствование преподавания общетриязычных дисциплин в вузе. – Чебоксары: Изд-во Чувгосуниверситета, 1987. – С.103–110.

2. К этимологизации парно-повторных образований в чувашском языке // Межъязыковое взаимодействие в Волге-Камье. – Чебоксары: Изд-во Чувгосуниверситета, 1988. – С.123–127.

3. Йёкёреш сĕмахсен пĕлтерĕшĕ. – Тĕван Атĕл, 6 м, 1989. – С.69–70.